

О.С.Бердяева

ДОМ И ДОРОГА В РАССКАЗАХ М.А.БУЛГАКОВА 20-Х ГОДОВ

В статье раскрываются особенности воплощения смыслополагающих образов дома и дороги в рассказах М.А.Булгакова 1922—1926 годов на примере «Необыкновенных приключений доктора» и «Записок юного врача». В статье показана значимость этих текстов для понимания своеобразия творчества писателя. Дом и дорога предстают как особые пространства, связанные не столько с реальной переменной места жительства, сколько с жизненным странствием героя. Юный врач должен пройти жизненные испытания. Герой преодолевает «могильную тьму» дороги и попадает на «необитаемый остров», каким поначалу ему кажется Мурьево. Но это будет одна из ступеней, помогающих осмыслению собственного предназначения на пути формирования личности и профессионала.

Ключевые слова: дом, дорога, путь, пространство, текст, «Записки юного врача»

Дом и дорога — важнейшие смыслообразующие понятия, формирующие художественное пространство произведений М.А.Булгакова. Исследователи обращали на это внимание в основном в связи с романскими формами. При этом больший интерес у исследователей вызывал Дом, образ которого рассматривался более внимательно в романских формах. Циклу «Записки юного врача» традиционно уделяется меньше внимания, хотя он, несомненно, значим для понимания художественной мысли писателя и, в частности, в связи с интересующей нас проблемой.

В 20-е годы Булгакову интересна форма записок, позволяющая фиксировать события, которые могут быть стерты памятью или быстротекущим временем. К «Запискам» тематически и по принципам организации текста примыкают, в частности, «Красная корона (Hiztoria morbi)», «Необыкновенные приключения доктора».

Так, доктор Н в «Необыкновенных приключениях доктора» думает о своей теперешней жизни как о насмешке судьбы: он утратил дом — любимый кабинет с зеленой лампой и книгами. Вместо этого — чужой двор, мост, брезент, горы, ущелье, вагон. Он, гонимый по дорогам войны, не волен в своих действиях и в своем пути: «меня мобилизовала пятая <...> власть», «меня увозят» [1, с. 432]. Цельной картинкой городского пространства, которая определяла бы место, включая дома и дороги (улицы), нет. Так, в рассказе отсутствует характеристика дороги, связанная с протяженностью, со встречами, в том числе и неожиданными, движением и следом, оставленным на ней человеком или людьми. Перечисляются улицы, сад, калитка, переулок, не объединяющие пространство, а дробящие его. Дорога не организует пространство, не связывает отдаленные локусы и нигде не заканчивается. Нет Дома, но есть квартира, в которую поделяются чужие люди, которая не защищает от вторжения чужой, чуждой жизни.

Предметно оформленное пространство города рождает ощущение чужого, безлюдного пространства. Днем это давка, пешие, конные, пушки, кухни, здесь не выделяются люди или лица. Ночью — это мертвые улицы, где нет ни одного человека. Здесь «никто не отвечает» на вопросы, здесь появляются «какие-то <...> с красными хвостами». [1, с. 432]. Из мира живых выделены только пёс, который набрасывается на бегущего доктора, и наглый эмфизматик¹ из 2-го эскадрона, которому понравилась квартира доктора, и он вселился на первый этаж. Основные приметы улицы не дома, а закрытые ставнями окна и заколоченные подъезды. Церковь приметна только тем, что рядом с ней стреляют. Все это рождает ощущение мертвенности. Домом без окошек («без хрустальных-то стеклышек») в народной притчевой традиции предстал гроб (домовина). Образ опустелого, тихого и темного дома с закрытыми ставнями возникает у Пушкина в эпизоде смерти Ленского:

Закрыты ставни, окна мелом

Забелены. Хозяйки нет.

А где, Бог весть. Пропал и след.

Здесь явлен образ смерти. Просматривается бытовая традиция обрядности дома, связанная с уходом из него человека. Речь идет и о душе, покинувшей тело («хозяйки нет»).

В Ханкальском ущелье Кавказа, куда судьба забрасывает доктора, он замечает кривые «улички» аула, горы в дымке, пыльные дороги в ущельях, провал, видит горящие аулы, «разбухший труп лошади» у реки, мертвого, ограбленного казаками чеченца «у края брошенной заросшей дороги» [1, с. 439]. Возникает ощущение огромности отчужденного от человека пространства, по которому судьба гонит героя. *Бежать, юркнуть, нестись* — глаголы, характеризующие движение и преодоление доктором расстояний. Восприятие происходящего как безумия, как того, что лишено всякого смысла, усиливает особая организация текста с незаконченными предложениями, с авторскими купюрами, оставляющими впечатление недоговоренности, бессвязности.

Странствие героя превращается в перемещение из одного страшного места в другое. Такие локусы воспринимаются человеком как чужие и обычно связаны с появлением чего-то пугающего и необъяснимого, с чувством страха или, как и происходит у Булгакова, с исчезновением людей (исчезли военный отряд, фельдшер

¹ Человек, больной эмфизмой легких.

Голендюк). Впрочем, и сам доктор непонятно где, он «пропал», как отмечает «литератор», издавший текст. Доктор N, автор записок, не может понять и объяснить логику событий: «Беги <...> и ничего не понимаю», «Временами мне кажется, что все это сон» [1, с. 432]. Перед ним появляются и исчезают непонятные люди, он слышит за собой погоню, чувствует близость смерти, при этом всё творят неуловимые «они» или непонятные «кто-то». Это разрушенный мир, утративший привычные координаты, мир бездомья и бездорожья, в котором невозможно существовать и само пребывание, даже кратковременное, становится трагичным. Владеют же этим миром неведомые человеку силы.

Завершение истории доктора N возвращает к начальным строкам: «Почему я не родился сто лет тому назад? Или еще лучше: через сто лет. А еще лучше, если б я совсем не родился» [1, с. 431]. Доктор N понимает, что его теперешняя дорога не предполагает никакого пристанища, что это странствие, пределы которого не ведомы. Пространство, по которому приходится скитаться, рождает не только ощущение бездорожья и собственной бездомности, но и восприятие мира как пространства сновидного, пустынного и безлюдного, находящегося словно бы за чертой живой жизни: «<...> Здесь все может произойти. Что угодно. <...> Над головой раскаленное солнце, кругом выжженная травка. Забытая колея. <...> Но главное — ни души» [1, с. 438]. И здесь невозможен дом, и неясна дорога, как это бывает, например, в пространстве сказки, в которой герой вынужден отправиться в неведомый ему путь.

Ещё в 1919 году в «Грядущих перспективах» Булгаков написал о своём отношении к «великой социальной революции»: «Настоящее перед нашими глазами. Оно таково, что глаза эти хочется закрыть. Не видеть! Остается будущее. Загадочное, неизвестное будущее. В самом деле: что же будет с нами?..» [1, с. 85]. Ответа на этот вопрос нет, однако в повестях 1920-х годов Булгаков будет пытаться ответить на него. Здесь попытка прочертить, определить «дорогу жизни», будущее сводится к тому, что сделать это невозможно.

Некоторые публикации Булгакова 1924-го — 1925-го годов строятся на соединении записок и заметок, что позволяет в небольшом тексте дать яркую, ёмкую характеристику героям и событиям. Например, в рассказах «Горемыка-Всеволод. История одного безобразия», «Дрожжи и записки» пунктирно очерчивается характер и судьба героя, но через это показана действительность, в которой существуют герои, пытающиеся понять происходящее. В этом ряду находятся «Путевые заметки», «Белобрысова книжка. Формат записной», «Война воды с железом». Во всех историях человек ощущает себя на бездорожье, потерявшимся в калейдоскопически меняющихся событиях.

В «Записках юного врача» герой уезжает «в страшную даль». Это уже иное время, не Гражданская война. Но дорога традиционно всегда была связана с опасностью. Как отмечала Т.Б.Щепанская, «страх или испуг как атрибут дорожного мироощущения, принимая часто персонифицированную форму <...> становится подкреплением запретов и правил, т.е. управляющих воздействий культуры на поведение путника» [2, с. 264]. Страх и испуг показан более всего в рассказе «Вьюга», где доктор дает себе слово, что он больше никогда не поедет в такую погоду. Однако вопреки только что мысленно сформулированному запрету, он слышит насмешливый свист вьюги: «Поедешь... ан поедешь...» [1, с. 111]. И конечно же, поедет — такова миссия и судьба земского врача.

В рассказах, вошедших в «Записки юного врача», Булгаков повествует о метаморфозах юного врача на пути к профессионализму и осмыслению собственного предназначения, к пониманию самого себя. Выбрав профессию врача, получив диплом, герой рассказов, как оказалось, теперь не принадлежит себе, не волен в выборе дальнейшей своей жизни, кроме понимания того, что он остается врачом и нельзя смалодушничать и покинуть место службы, потому что учился он на медицинском факультете не для этого, как он скажет в «Стальном горле». Молодой эскулап, расставшийся с прошлой жизнью, не представляющий, что ждет его впереди, отправляется в неведомую ему другую жизнь. Мотив дороги важен в рассказах, потому что через него просматриваются основные смыслы повествования. Дорога предстает не только как полоса земли, служащая для проезда и прохода, но и как жизненная, как путь духовного становления.

Образ дороги в рассказах связан с приездом лекаря к месту его службы, затем с поездкой к больным и приездом страждущих к лекарю. Так, в рассказе «Полотенце с петухом» проселочная дорога отделяет ставшее совсем далеким прошлое, где Москва с «золото-красным Большим театром», где витрины, университет, свобода, электрические фонари, и настоящее.

Признаки дороги — ее непроходимость, по ней движутся на лошадях медленнее, чем идут. Знаками ее организации и той глуши, в которой она находится, становятся керосиновые фонари, о которых вспоминает доктор, а они находятся на станции железной дороги, что в девяти верстах, а электрические фонари уездного города Грачёвка, уже в сорока верстах. А посередине дороги в двадцати верстах «в могильной тьме... <...> Грабиловка» [1, с. 72]. И наконец, Мурьево, «необитаемый остров». И доктор вспоминает в «Пропавшем глазе» невольного отшельника из рассказа А.Грина «Жизнь Гнора». Сын инженера, Гнор, прожил восемь лет на необитаемом острове, не теряя надежды вернуться в мир, где богатый дом, где «электрические тюльпаны» [3, с. 227, 231] сияют под потолком, где парк, аллеи, газоны, где осталась любимая девушка. Доктор вступил на путь испытаний, подобно Гнору, «уступая времени и необходимости» [3, с. 244], отправился не по своей воле в странствие, конец которого не ясен. Дорога, ведущая в неизвестность, приносит душевные и физические страдания, становится для юного эскулапа дорогой «медленной смерти», о которой говорит всё: «горбатое обглоданное поле, <...> чахлый перелесок, <...> серые драные избы», ощущение, что «в них нет ни одной живой души» [1, с. 72], и молчание. Тяжесть испытания и глубина страдания героя, едущего к месту службы,

связана с нестерпимой болью окостеневших мышц и пониманием того, что кости «стынут», с не шевелящимися пальцами, которые похожи на деревянные культяпки, с ощущением наступившей бездвижности, определяемой словом-диагнозом «парализис». Всё это знаки не только пришедшего ощущения бездвижности, но и омертвения. Человек слово бы попадает в иномирье. При этом повозка становится местом обретения новых качеств, нового состояния, нового видения, чтобы оказавшийся в ней смог иным войти в неведомый новый мир. Когда герой оказывается в повозке, перемещаясь по дороге, то и предметы вдруг приобретают несвойственные им качества. Так, чемодан, словно оживая, добавляет человеку боли и страданий: он «шарахает» по ногам, плюхается». В сущности, герой проходит своеобразную инициацию, когда он испытывается, получая новые знания и умирая для прежней жизни. А повозка, словно повернувшаяся избушка Бабы Яги перемещает героя в иное пространство. И здесь будет мало света. В день своего рождения доктор скажет, что «за окошками нет ничего», только тьма. В рассказе «Пропавший глаз» в дороге приходится преодолевать «сатанинскую вертящуюся мглу» и «взбесившийся белый океан». «Вьюга свистела, как ведьма, выла, плевалась, хохотала», — описывает автор состояние мира [1, с. 125]. Вспоминая свой приезд в рассказе «Пропавший глаз», доктор отметит, что за окнами «висит пелена дождя» как и год назад [1, с. 122].

Дом и место, где предстояло жить герою, увиденные в ночном мраке, не добавляли положительных эмоций. Это были небеленый фельдшерский бревенчатый домик и «резиденция» врача с «гробовыми загадочными окнами». Возникает фантазмагорическая картина. Вначале к темным стеклам «прилипли лица», потом заковылял человек «в пальтишке» и «сапожишках», что в контексте понимается не только как изношенность одежды, но вынуждает подумать и о маленьком напоминающем гнома человеке, появившемся неизвестно откуда. Образ маленького, ковыляющего, то есть хромающего, идущего вперевалку человека обращает к фольклорной традиции. Известно, что в фольклоре разных народов существует представление о том, что асимметрия — признак принадлежности к нечистому, демоническому миру.

«Хромы и кривы, одноглазы, одноруки и одноноги хтонические духи в фольклоре сибирских и центральноазиатских народов», — пишет С.Ю.Неклюдов [4]. По поверьям русских хромота и кривизна считаются знаком колдуна. «Неполнота форм и асимметрия, особенно характерны для ситуации пересечения рубежа. Всяма выразителен в этом отношении хромой перевозчик в загробный мир из маньчжурского шаманского предания» [4]. Но далеко ходить не надо: такими качествами обладает сказочная Баба-яга.

Человек, встретивший юного врача, — сторож, то есть тот, кто находится на границе, сторожит свое, отделяя его от чужого. Ковыляющий человек становится проводником героя в этот темный, новый мир. Сторож ведет за собой новопривывшего, который отметит, что, сидя у плиты, похож на огнепоклонника, который «вдохновенно» тянется к огню. Потом доктор совершит трапезу, напоминающую по описанию ритуальную. Недаром главным блюдом будет «погибший» под руками кухарки приготовленный петух, которого приехавший доктор «должен был съесть». Важно слово «должен» — нельзя было не выполнять положенного, ибо так требует ритуал. Петух у славян обычно подавался на особые праздники в качестве ритуального блюда. В рассказе разделка птицы хозяйкой показана натуралистично и напоминает жертвенную, а эпизод оказывается символичным. В славянской мифологии петух имел двуприродный характер. С одной стороны, он был связан, с миром жизни, света и солнца, с другой — с миром смерти. В мифологии в связи с этим образом моделируется цепочка: жизнь — смерть — новое рождение.

Символичен в рассказе и подарок спасенной девушки — «длинное снежно-белое полотенце с безыскусственным красным вышитым петухом». Такое полотенце вышивалось обычно как свадебное и имело магическое значение. Понятно, что девушка так выразила свое отношение к доктору и утвердила особую связь между ними. Мужчины дарили ещё и рубахи, с вышитыми петухами. Такая вышивка служила оберегом, защищавшим от нечисти, дававшим мудрость, силу и достаток. Кроме того, в народной культуре полотенце было и символом дороги. «И много лет оно висело у меня в спальне в Мурьеве, потом странствовало со мной», — завершает рассказ автор [1, с. 82]. Так что в первый же месяц службы доктор, не ведая того, получил оберег, который должен защищать его в жизненных странствиях.

После трапезы доктор, «рождаясь» для новой жизни, начинает что-то различать в новом, пока непонятном ему мире, который должен теперь стать своим. В этом тёмном, неприветливом пространстве обнаруживаются настоящие сокровища, которые появляются перед новым человеком волшебным образом, откуда ни возьмись. Это не только тщательно подобранный богатый медицинский инструментарий, которого, казалось бы, не должно быть в этом забытом Богом месте, но и аптека, которая уподоблена обнаруженному кладу. В аптечные комнаты приходится спускаться — они находятся под полом (в подземелье). А здесь было «все, что угодно».

Однако чудеса на этом не заканчиваются. Дорога, погрузившая странника во мрак, уводящая врача от цивилизации и мира его мечты, в которой виделся обязательный кабинет с книгами и лампа под зеленым абажуром на столе, каким-то чудесным образом закончилась там, где мечта сбывается: «горела лампа в кабинете в моей резиденции <...> шкаф был битком набит книгами» [1, с. 75]. Правда, чудо было рукотворное, но все-таки это было чудо. Профессионально подобранная библиотека была диковиной для далекого от большого города и университета места, заносимого снегами и продуваемого ветрами. Молодой доктор назовет собрание книг «третьим достижением легендарного Леопольда», доктора, который долгие годы служил в этой больнице.

«Надвигался вечер, и я осваивался» [1, с. 75], — звучит парадоксально в обстоятельствах резкой перемены жизни героя, да ещё и в ночное время. Но именно с этого момента герой начинает вращаться в новый для него мир. Это был тот милый сердцу предел, к которому стремился измученный неизвестностью и тяжелой дорогой доктор — уютный кабинет с лампой. Это был Дом. Вечер не только напоминал о предстоящей ночи, сколько предвещал утро.

Ночь пройдет незамеченной, потому что, если пространственно-дорожные испытания на данный момент завершились, то испытания на профессионализм и силу духа только начинались. Неожиданно появляется страдающий человек, и доктору предстоит тяжелейшая операция, сурово вводящая его в новый, не университетский, мир медицины. А сияние утра будет. Но заметит это доктор через два с половиной месяца, когда в один из первых зимних дней доктора посетит спасенная им в первый день девушка.

Жизнь автора записок характеризуется пространствами повседневности: дом врача — больница — дома заболевших людей, куда, приходится ездить. В рассказах дом как свое пространство и больница как пространство служебное не находятся в оппозиции. В больнице проходит большая часть жизни доктора. Дом и больница разделены только небольшим двором, который преодолевается быстро, а дороги, ведущие к населенным пунктам, где находится страдающий человек, становятся настоящим испытанием для физического и психологического состояния автора записок, но по ним же едут и идут в больницу люди, принося свое страдание, свою историю жизни.

Дом, который зимой занесен снегом, в котором в метель воют трубы, не станет ни крепостью, ни тихой гаванью, оказавшись словно бы на перепутье, становясь для его обитателя местом короткого отдыха, местом одиночества, местом временной остановки в пути, местом, где в состоянии сомнения и колебаний происходит выбор действий или дальнейшего пути, но еще и тем местом, где «скрещиваются или расходятся дороги» [5; 6]. Дом окажется проницаемым, не закрытым от вторжений тех, кто приходил со своей бедой. Врач принадлежит не себе, а страдающим людям. В «Записках» отражены ситуации, имеющие знаковый характер для судьбы героя. В центре каждого рассказа повествование о новом, уникальном, единственном в своем роде медицинском случае. И каждый раз эта встреча, подобна «случаю на дороге» и приводит к установлению новых отношений с людьми, новому пониманию главных смыслов жизни. И каждый раз это испытание силы характера и профессионализма молодого доктора.

В рассказе «Вьюга» доктор не смог спасти человека и ощущает собственное бессилие и невозможность что-либо изменить. Он глубоко переживает очередную встречу с ненавидимой им смертью. Доктор спешит отправиться в обратный путь, несмотря на ночь, вьюгу и опасность такой поездки, потому что не может оставаться в доме, где беда и смерть.

В связи с историей, случившейся с доктором в рассказе «Вьюга», вспоминаются записки современного врача анестезиолога-реаниматолога. Читаем исповедь: «Я устал от постоянного напряжения, от этого пограничного состояния между жизнью и смертью. <...> От собственной совести, которая отравляет моё существование и не даёт спокойно жить после каждого летального исхода.

Каждая смерть чеканит в мозгу вопрос: а всё ли ты сделал? Ты был в этот момент, когда душа металась между небом и землёй, и ты её не задержал среди живых. <...>

Я ненавижу тебя, проклятый внутренний голос. Это ты не даёшь расслабиться ни днём, ни ночью. <...> Это ты заставляешь меня после суточного дежурства выгребать дома на пол все медицинские учебники и искать, искать, искать... ту спасительную ниточку, за которую ухватится слабая надежда. Нашёл, можно попробовать вот эту методику. Звоню в отделение: как там больной? <...> За каждого боремся до последнего» [7].

Кажется, что эти слова принадлежат доктору из рассказа Булгакова. «<...> Мысль остаться во флигеле, где беда, где я бессилен и бесполезен, казалась мне невыносимой», — читаем в рассказе [1, с. 107]. Спешно покидая дом, где восторжествовала смерть, герой оказывается во власти ночной вьюги. Как только выехали за ворота, вдруг исчезло понятное пространство: «проваливается» факел, «пропадает» Шалометьево. Заметенная снегом дорога тоже исчезает, становясь непроезжей. Всё словно подчинено неведомой inferнальной силе. Вьюга беснуется и угрожает, превращаясь в говорящее существо, при этом страх овладевает доктором, и приходит ощущение возможной смерти. Появившиеся вдруг волки напоминают оборотней, истории о которых широко бытовали в устной традиции. Доктор видит, как четвероногие твари, возникают из мглы, вырастают из темной точки в черную кошку, издающую «тоскливый и злобный», «странный» звук. Затем кошка превращается в собаку с острыми ушами и катится невдалеке от саней или идет за ними «легко, как по паркету». «Что-то грозное и наглое было в ее стремлении», — подчеркивает автор [1, с. 110].

Силы мрака показывают свою мощь и устрашают тогда, когда герой только попытался отвоевать живое у смерти, попытался спасти человека. Противостояние мира живых людей и беснующегося мира холода, мрака и смерти заканчивается победой жизни для тех, кто отважился отправиться в такую дорогу. Победа состоялась только благодаря усилию человеческой воли, предельному напряжению всех сил и преодолению парализующего страха.

В профессиональных успехах доктора важнейшую роль играли личные его качества, связанные со стремлением одержать победу над болезнями и смертью. При этом страдающие люди для него не безликая масса, он видит каждого, а многих и помнит в течение долгих лет. Условия, в которых приходилось врачевать земскому доктору, были тяжелыми. В «Тьме египетской» автор записок характеризует состояние больницы как

«жалостливую, занесенную снегом бедность» [1, с. 146]. Но молодой врач преодолевает путь, идет по дороге, ставшей его судьбой, учится «обживать» ее, независимо от того, была ли это реальная дорога или профессиональная.

Нескончаемый поток больных, экстренные случаи, когда шла тяжелейшая работа по спасению человека, битва со смертью, с «тьмой египетской» человеческого сознания, — всё это приносило и удовлетворение в случае благополучного исхода, но и страдание, и нечеловеческую усталость.

Путь становления профессионала связан с неожиданными встречами. Здесь появляются те, кто поможет и станет поводырем. Для автора «Записок» встречи спасительны. Люди, с которыми юному врачу по пути, живут по законам медицинской этики. Фельдшер и две акушерки, готовые всегда стать рядом, подставив плечо, открытые, тепло относящиеся друг к другу, понимающие без слов, восхищающиеся успехами других. «В глуши. Но не один. А идет моя рать», — подытожит автор [1, с. 121]. Медперсонал сплотился вокруг доктора, но ни у кого из них, как и у доктора, нет семейного очага, кроме Егорыча. Их жизнь — служение.

Главным же поводырем по миру, где можно заплутаться, и наставником на путь постижения профессиональной истины становится человек, которого герой никогда не видел, но присутствие которого ощущается постоянно. Легендарный доктор Леопольд Леопольдович — подвижник, посвятивший жизнь не только страдающим от болезней людям, но и тем, кто придет ему на смену, кого не знал и никогда не узнает лично. Он тщательно формирует культурное пространство, создавая в российской глубинке остров медицинской цивилизации и передовой медицины. Он ведет подробные записи в истории болезни не только потому, что так положено, и не только потому, что он отслеживал процесс лечения и выздоровления больного, но еще и потому, его волновало будущее. Не известно, о чем думал старый врач, но понятно то, что он создает большой архив, который поможет молодому врачу, который когда-то придет на смену, выбирать нужный путь в общении с больным. Записи напутствуют и обучают читающего их молодого доктора. Леопольд Леопольдович собирает прекрасную специальную библиотеку, заказывает самый современный инструментарий и самые современные лекарства. Леопольд Леопольдович, проживший в этом диком месте долгие годы, думал и заботился о неизвестном ему молодом докторе. Неопытный врач, благодаря такой встрече, сможет не только найти верный путь паллиативной помощи, но и профессионально провести сложнейшие хирургические манипуляции. Молодой земский доктор, продолжая дело Леопольда, в противостоянии болезням и смерти, опасным привычкам и заблуждениям пациентов становится настоящим профессионалом. Больница же остается единственным островком цивилизации на огромных, плохо организованных пространствах русской деревенской захолустной жизни.

В самом начале юный эскулап, только что прибывший к месту своей службы, будучи совсем не уверенным в своих силах, со страхом ожидает начала, боясь своего первого профессионального шага. С чем придется столкнуться, что это будет: грыжа, гнойный аппендицит, дифтерийный круп и трахеотомия или роды, когда плод находится в неправильном положении? Но оказалось всё гораздо хуже и страшнее, чем представлялось. Доктор сразу вступает в молчаливый и бескомпромиссный поединок со смертью. И он не может видеть, как угасает человек, как «потухает редкостная красота» юной девушки и проводит невероятную для себя экстренную операцию по ампутации ноги, действуя жестко и четко, буквально вырывая человека из объятий смерти.

Если в раздумьях, пока не предстал перед ним первый страждущий человек, доктор корит себя за то, что поехал в эту глушь и не отказался от этого участка, понимает, что не способен быть подобным Леопольду, то с момента первой операции он ощущает себя другим («постарел как-то»), хотя ему предстоит еще долгий путь испытаний.

Завершается повествование о путях и испытаниях молодого врача тем, что доктор, уже обретший опыт на путях личностного и профессионального становления, теперь разлученный «с занесенным снегом флигелем», продолжает чувствовать себя частью врачебного братства, звеном в общей цепи, соединяя тех, кто был до него, кто был рядом и того, кто придет на смену. Несмотря на то, что «ушли года», он не просто вспоминает, а вновь переживает пройденный путь, события и встречи, научившие его видеть и понимать людей, научившие преодолевать мрак и страх, научившие, не жалея себя, вступать в борьбу за человеческую жизнь с, казалось бы, неодолимым, со смертью и не отступать. Мысленно снова пройдя путь, доктор приветствует того, кого, не знает и не узнает: «Привет, мой товарищ!» [1, с. 146]. Так автор «Записок», благословляет нового молодого доктора на трудный путь земского врача в глухой провинции, среди бездорожья.

1. Булгаков М.А. Собр. соч.: В 5 т. Т. 1. Записки юного врача; Белая гвардия; Рассказы; Записки на манжетах. М.: Худож. лит., 1989. 623 с.
2. Щепанская Т.Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX—XX вв. М.: Индрик, 2003. 528 с.
3. Грин А.С. Жизнь Гюга // Собр. соч.: В 6 т. Т. 2 / Под ред. Вл.Россельса. М.: Правда, 1965. С. 227-262.
4. Неклюдов С.Ю. Образы потустороннего мира в народных верованиях и традиционной словесности [Электр. ресурс]. URL: <https://ruthenia.ru/folklore/neckludov8.htm> (дата обращения: 15.06.2020).
5. Ефремова Т.Ф. Перепутье [Электр. ресурс] // Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. URL: <https://www.efremova.info/search/?cx=partner-pub-9930840937960329%3A6051420664&cof=FORID%3A10&ie=UTF-8&q=перепутье> (дата обращения: 10.07.2020).

6. Ушаков Д.Н. Перепутье [Электр. ресурс] // Толковый словарь Ушакова Д.Н. URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=47162> (дата обращения: 10.07.2020).
7. Лаишевцев В.А. Исповедь реаниматолога. Публикация Акимовой И. [Электр. ресурс] // Сегодняшняя Газета. Красноярск-26. № 44. URL: <http://sgzt.com/k26/?module=articles&action=view&id=3663&issue=705> (дата обращения: 15.07.2020).

References

1. Bulgakov M.A. Works in 5 vols, vol. 1. Zapiski yunogo vracha; Belaya gvardiya; Rasskazy; Zapiski na manzhetakh [Young Doctor's Notebook; White Guard; Stories; Notes on the Cuffs]. Moscow, 1989. 623 p.
2. Shechepanskaya T.B. Kul'tura dorogi v russkoy miforitual'noy traditsii XIX—XX vv. [Meaning of the road in the Russian mythoretical tradition of the 19th—20th centuries]. Moscow, 2003. 528 p.
3. Grin A.S. Zhizn' Gnora [Life of Gnor]. Works in 6 vols, vol. 2. Moscow, 1965, pp. 227-262.
4. Neklyudov S.Yu. Obrazy potustoronnego mira v narodnykh verovaniyakh i traditsionnoy slovesnosti [Images of the other world in folk beliefs and traditional literature]. Available at: <https://ruthenia.ru/folklore/neckludov8.htm> (accessed: 15.06.2020).
5. Efremova T.F. Pereput'e [Crossroads]. Efremova T.F. Novyy slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyy. Available at: <https://www.efremova.info/search/?cx=partner-pub-9930840937960329%3A6051420664&cof=FORID%3A10&ie=UTF-8&q=pereput'e> (accessed: 10.07.2020).
6. Ushakov D.N. Pereput'e [Crossroads]. Tolkovyy slovar' Ushakova D.N. Available at: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=47162> (accessed: 10.07.2020).
7. Laishchevtsev V.A. Ispoved' reanimatologa. Publikatsiya Akimovoy I. [Confessions of a reanimatologist. An article by by Akimova I.]. Segodnyashnyaya Gazeta. Krasnoyarsk-26, no. 44. Available at: <http://sgzt.com/k26/?module=articles&action=view&id=3663&issue=705> (accessed: 15.07.2020).

Berdyaeva O.S. Images of house and road in Mikhail Bulgakov's short stories of 1920s. The article explores semantic images of house and road in Mikhail Bulgakov's short stories written in 1922—1926 through the example of “The Unusual Doctor's Adventures” and “A Young Doctor's Notebook”. The article explains the importance of the said text for general understanding of the writer's unique writing. The house and road appear as special spaces associated not so much with a real change in place of residence, but with the life journey of the hero. A young doctor must undergo life trials. The hero overcomes the “grave darkness” of the road and falls on the “uninhabited island”, as Muryevo initially seems to him. But this will be one of the metamorphoses that help to understand their purpose, on the way to form a person and a professional.

Keywords: house, road, way, space, text, metatext, “A Young Doctor's Notebook”.

Сведения об авторе. Ольга Сергеевна Бердяева — доктор филологических наук, профессор кафедры филологии; Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого; ORCID: 0000-0002-6936-1344; bos4@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 15.12.2020. Принята к публикации 10.01.2021.

Ссылка на эту статью: Бердяева О.С. Дом и дорога в рассказах М.А.Булгакова 20-х годов // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2021. № 1(34). С. 12-17. doi: 10.34680/2411-7951.2021.1(34).8-13

For citation: Berdyaeva O.S. Images of house and road in Mikhail Bulgakov's short stories of 1920s. Memoirs of NovSU, 2021, no. 1(34), pp. 12-17. doi: 10.34680/2411-7951.2021.1(34).8-13